

КЛУБ УБИЙЦ БУКВ

Источник: Сигизмунд Кржижановский. Возвращение Мюнхгаузена. Повести. Новеллы. Л.: Художественная литература, 1990.

OCR - Александр Продан, alexpro@enteh.com

1

- Пузыри над утопленником.

- Как?

Треугольный ноготь быстрым глассандо скользнул по вспучившимся корешкам, глядевшим на нас с книжной полки.

- Говорю: пузыри над утопленником. Ведь стоит только головой в омут, и тотчас - дыхание пузырями кверху: вспучится и лопнет.

Говоривший еще раз оглядел ряды молчаливых книг, стеснившихся вдоль стен.

- Вы скажете - и пузырь умеет изловить в себя солнце, сини неба, зеленое качание побережья. Пусть так. Но тому, кто уже ртом в дно: нужно ли это ему?

И вдруг, будто наткнувшись на какое-то слово, он встал и, охватив пальцами локти, оттянутые к спине, зашагал от полки к окну и обратно, лишь изредка проверяя глазами мои глаза.

- Да, запомните, друг: если на библиотечной полке одной книгой стало больше - это оттого, что в жизни одним человеком стало меньше. И если уж выбирать меж полкой и миром, то я предпочитаю мир. Пузырями к дню - собой к дну? Нет, благодарю покорно.

- Но ведь вы же, - попробовал я робко не согласиться, - ведь вы же дали людям столько книг. Мы все привыкли читать ваши...

- Дал. Но не даю. Вот уж два года: ни единой буквы.

- Вы, как об этом пишут и говорят, готовите новое и большое.

У него была привычка не дослушивать.

- Большое ли - не знаю. Новое - да. Только те, кто об этом пишут и говорят - это-то я твердо знаю, - не получают от меня больше ни единого типографского знака. Поняли?

Мой вид, очевидно, не выражал понимания. Поколебавшись с минуту, он вдруг подошел к своему пустому креслу, пододвинул его ко мне, сел, почти коленями к коленям, пытливо вглядываясь в мое лицо. Секунда за секундой мучительно длинились от молчания.

Он искал во мне что-то глазами, как ищут в комнате свою забытую вещь. Я резко поднялся:

- Вечера суббот у вас - я замечал - всегда заняты. День к закату. Я пойду.

Жесткие пальцы, охватив мой локоть, не дали подняться:

- Это правда. Свои субботы, я... то есть мы запираем от людей на ключ. Но сегодня я покажу вам ее: субботу. Останьтесь. Однако то, что будет вам показано, требует некоторых предварений. Пока мы одни - сконспектирую. Вам вряд ли известно, что в молодости я был выучеником нищеты. Первые рукописи отнимали у меня последние медяки на оклейку их в бандероль и неизменно возвращались назад, в ящики стола, - трепанные, замусленные и избитые штемпелями. Кроме стола, служившего кладбищем вымыслов, в комнате моей находились: кровать, стул и книжная полка - в четыре длинных, вдоль всей стены, доски, выгнувшихся под грузом букв. Обычно печка была без дров, а я без пищи. Но к книгам я относился почти религиозно, как иные к образам: продавать их... даже мысль эта не приходила мне в голову, пока, пока... ее не форсировала телеграмма: "Субботу мать скончалась. Присутствие необходимо. Приезжайте". Телеграмма напала на мои книги утром; к вечеру - полки были пусты, и я мог сунуть свою библиотеку, превращенную в три-четыре кредитных билета, в боковой карман. Смерть той, от которой твоя жизнь, - это очень серьезно. Это всегда и всем: черным клином в жизнь. Отбив похоронные дни, я вернулся назад - сквозь тысячеверстие - к порогу своего нищего жилья. В день отъезда я был выключен из обстановки - только теперь эффект пустых книжных полок доощутился и вошел в мысль. Помню, раздевшись, я присел к столу и повернул лицо к подвешенной на четырех черных досках пустоте. Доски, хоть книжный груз и был с них снят, еще не распрямили изгибов, как если б и пустота давила на них по перпендикулярам вниз. Я попробовал перевести глаза на другое, но в комнате - как я уже сказал - только и было: полки, кровать. Я разделся и лег, пробуя заспать депрессию. Нет; ощущение, дав лишь короткий отдых, разбудило; я лежал лицом к полкам и видел, как лунный блик, вздрагивая, ползает по оголенным доскам полок. Казалось, какая-то еле ощутимая жизнь - робкими проступями - зарождалась там, в бескнижье.

Конечно, все это была игра на перетянутых нервах - и когда утро отпустило колки, я спокойно оглядел залитые солнцем пустые провалы полок, сел к столу и принялся за обычную работу.